

Гюстав Массе

МОЙ КРИМИНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ

ПАРИЖСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, РАССЛЕДОВАНИЯ
И ТАЙНЫ СЫСКНОЙ ПОЛИЦИИ

Гюстав Массе

Мой криминальный музей

«Автор»

2026

Масе Г.

Мой криминальный музей / Г. Масе — «Автор», 2026

Париж XIX века. За блеском роскошных бульваров скрывается мир жестоких убийств, дерзких ограблений и преступных тайн. Гюстав Масе, бывший начальник парижской сыскной полиции, открывает двери своего необычного криминального музея. Каждая улика здесь хранит историю настоящего преступления, а за каждым расследованием стоят человеческие судьбы, хитроумные замыслы и роковые ошибки. Подлинные уголовные дела, преступный жаргон, методы полицейского сыска и тайны криминалистики оживают на страницах воспоминаний человека, знавшего преступный Париж изнутри. «Мой криминальный музей» — захватывающее путешествие в историю французского уголовного розыска, где действительность оказывается невероятнее любого детектива. Оригинальное произведение является объектом общественного достояния

© Масе Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	36
-----------------------------------	----

Гюстав Масе

Мой криминальный музей

ПАРИЖСКАЯ ПОЛИЦИЯ
МОЙ КРИМИНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ

ПАРИЖСКАЯ ПОЛИЦИЯ
МОЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
ГЮСТАВ МАСЕ

Бывший начальник службы сыскной полиции
С 34 отдельными иллюстрационными таблицами, выполненными по способу Сильвестра и К°

ПАРИЖ
Г. ШАРПАНТЬЕ И К°, ИЗДАТЕЛИ
11, улица Гренель, 11
1890
Права перевода и воспроизведения сохранены

МОЙ КРИМИНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
МОИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Посвящая вам «Мой криминальный музей», последний том первой серии моих документальных книг, я отдаю вам долг признательности.

Поясню:

Спустя шесть месяцев после моего ухода из префектуры полиции я опубликовал «Службу сыскной полиции», в которой отстаивал за начальником и его сотрудниками честь принадлежать к важной службе, полезной для поддержания общественного порядка и общественной безопасности.

Досконально зная все механизмы администрации, я мог оценить её дух, недостатки, достоинства и потребности; поэтому мне было нетрудно, указывая на зло, назвать средство его устранения. Кто же мог быть более сведущим? Наблюдая днём и ночью, я быстро заметил, что в муниципальной полиции политика царила как властная повелительница, и, поскольку я отказывался вовлекать в неё своих сотрудников, предназначенных исключительно для розыска преступников, мне была объявлена война. Тогда в специальные газеты сообщали о чиновниках, которые кому-либо не нравились. Я был одним из них, и, добравшись даже до услуг, оказанных моим отцом королю Луи-Филиппу, вместе с которым он едва не погиб на борту «Велоса», вышедшего 18 августа 1840 года из Трепора в Кале, мне ставили в вину и эти услуги, и начало моей службы при Империи. По неведению или по недобросовестности мне отказывали в средствах, необходимых для исполнения важных обязанностей, возложенных на меня господином Альбером Жиго.

Злоупотребления, ежедневно совершаемые несправедливости и ошибки действующей системы в конце концов возмутили меня; муниципальная полиция, казалось, хотела позволить преступникам беспрепятственно разъезжать, и, поскольку между ней и сыскной полицией всегда бушевала буря, я решил покончить со старыми заблуждениями, разорвав трос, чтобы как следует показать все нити. Я принял близко к сердцу защиту службы и инспекторов, проливая свет на источник зла. В докладах, представленных начальнику муниципальной полиции, мнимому прогрессисту, я доказывал, что непроходимая рутина парализует всё и что организация так называемой «сыскной» бригады устарела, жалка и полна пробелов. Я метил прямо в сердце

того, кто сознательно оставлял её в этом странном и ненормальном положении, чтобы пользоваться ею как щитом, необходимым для сокрытия своих обязанностей, ошибок и обид.

Отвергая старый административный механизм, я предлагал взамен проекты, отличавшиеся простотой деталей, отвечавшие современным веяниям и интересам, более научные и лучше согласованные с потребностями населения. Но муниципальная полиция захотела сохранить своё господство, забыла о существовании пара и электричества, осталась глухой, слепой, неподвижной и, пока преступники пользовались всеми достижениями прогресса и извлекали выгоду из потерянного времени, занималась исключительно укреплением своей плачевной политической системы.

Правда, чтобы заставить начальство ознакомиться с моими докладами, я смягчал их административную сухость, усеивая их зарисовками с натуры, сделанными на самом дне парижской жизни. Этот опыт мне не удался. Мне следовало помнить, что высокопоставленные сановники, перегруженные работой, никогда не находили времени узнать то, что им было бы полезнее всего знать.

Для подчинения сыскной полиции непосредственно кабинету префекта было достаточно одного постановления, я напрасно ждал его и, получив окончательный отказ, испытывая отвращение при виде своих начальников, больше политиков, чем администраторов, попросил об отставке с твёрдым намерением вынести спор на суд общественности. Я мог себе это позволить, поскольку моя совесть и мои руки были чисты, а в этом заключаются моя сила и независимость.

Сделав вас, дорогие читатели, судьями моей пятилетней борьбы против самовластной муниципальной полиции, я без лишних слов, но при помощи документов, служивших материалом для исследования и подлинники которых хранятся в архивных папках префектуры, познакомил вас с бесчисленными трудностями, с которыми мне приходилось сталкиваться ежедневно. Поскольку нельзя было утверждать, что я искажил совершившиеся события, сочинив впоследствии небылицы в угоду своему делу, мне попытались оспорить право представлять вам подобные документы, а мой противник, особенно опасный в силу своего положения и распоряжения секретными фондами, осмелился произнести слово «предательство».

Почему? — Потому что, не будучи его сообщником, я мог представить вам отчёты о своей деятельности с 1879 по 1884 год, что было необходимой предосторожностью в нашу эпоху, когда подонки и глупцы клеветают на порядочных людей и оскорбляют их.

В то время вы советовали мне не отвечать, написав: «Пусть говорят, а вы продолжайте». Я послушался вас; и если порою я срывал маску, обнажая лживость и вероломство некоторых людей, занимавших официальные должности, то все они имели возможность защититься. Итак, на слова я отвечал делами, на фразы — документами.

В 1885 году вышла книга под названием «Моё первое преступление», в которой я, опираясь на документы, показал соперничество и неудобства, возникавшие из-за существования двух полицейских служб, бесконтрольно подчинённых одному начальнику. Политическая полиция после ожесточённой и непрерывной борьбы в конце концов подавила уголовную полицию. Результатом этой прекрасной победы стало избавление осведомителя-убийцы от наказания, которого он вполне заслуживал.

Публика всегда проявляет любопытство ко всему, что касается жизни преступников и их преследования; в книге «Милый мир» я показал ей при свете дня шествие армии зла — от мнимого нищего до преступника, который усыпляет свою жертву хлороформом по всем правилам науки, чтобы удобнее её ограбить.

Затем, вслед за поучительными прогулками по извилистым закоулкам порочного Парижа, появилась «Дичь Сен-Лазара» — общая картина мира проституции, завершавшаяся проектами необходимых реформ.

Наконец, в книге «Мои понедельники в тюрьме» были изображены типы преступников, на этот раз уже не на свободе, а за решёткой, с их нравами, современным жаргоном и весьма своеобразными способами «работы».

Приподняв крышу над тюрьмами, я описал предосудительные порядки, существующие в них, и надеюсь, что порядочным женщинам больше не придётся переступить порог следственной тюрьмы Сен-Лазар.

Эти разоблачения, не имевшие никакого отношения к служебной тайне, удивили многих людей, полагавших, что знают всё; они уже привели и ещё приведут к устранению бесчисленных злоупотреблений, необходимость прекращения которых очевидна.

Реорганизация муниципальной полиции, которой я требовал и которая вызвала столько гнева, сегодня стала свершившимся фактом: она началась 30 апреля 1887 года с предоставления самостоятельности службе сыскной полиции, отныне освобождённой от власти начальника муниципальной полиции и поставленной в непосредственное подчинение префекту полиции.

Вот, впрочем, письмо, направленное по этому поводу господином Граньоном господину Тейлору:

Господин начальник службы сыскной полиции!

Постановлением, датированным сегодняшним числом, я решил, что впредь вы будете находиться в моём непосредственном подчинении и что вам будет поручено руководство бригадой надзора за меблированными комнатами, обязанной следить за исполнением законов и правил, касающихся полицейского надзора за гостиницами и меблированными домами.

Эта мера не приведёт к слиянию службы сыскной полиции и службы надзора за меблированными комнатами в одну бригаду, сотрудники которой имели бы одинаковое назначение, одинаковые обязанности и одинаковые преимущества, но лишь передаст в ваше подчинение личный состав последней службы. Каждая из двух бригад сохранит присущие ей полномочия и порядок финансирования, а также нынешнюю численность своего руководящего состава и инспекторов.

Таким образом, ни служба сыскной полиции, ни служба надзора за меблированными комнатами не смогут жаловаться на ущемление своих интересов.

Устраняя всякое посредничество между префектом полиции и начальником службы сыскной полиции и поручая вам руководство бригадой надзора за меблированными комнатами, я уверен, что передаю в ваши руки новые средства обеспечения безопасности города Парижа и одновременно увеличиваю силу и быстроту ваших действий.

Примите и т. д.

Префект полиции, ГРАНЬОН.

Начальник сыскной полиции теперь располагает телефоном, телеграфом, скоростными поездами; он сам выбирает своих сотрудников и может без вредного посредничества знакомиться с досье женщин лёгкого поведения и регистрационными сведениями о меблированных домах.

Таким образом, служба сыскной полиции действует в полной свободе и, по-видимому, от этого нисколько не страдает, напротив, она доказала свою жизнеспособность серьёзными результатами. Она задерживает не только преступников, промысляющих привычными способами кражи, но и виновников сложных, современных, изощрённых преступлений, совершаемых изобретательными убийцами, которые слишком часто ускользали от правосудия.

Хотя это первое изменение было достигнуто без каких-либо протестов, осуществление более крупной и наиболее важной реформы всё ещё откладывали. 31 августа 1889 года господин Камбе ушёл, сумев удержаться на своём посту десять лет — ровно столько, сколько требовалось для получения пенсии по причине недугов, приобретённых на службе, — а на следующий день муниципальная полиция вновь обрела свой подлинный характер, от которого ей никогда не следовало отказываться. Господин Лозе, префект полиции, на этот раз сделал

её действительно муниципальной, поручив новому начальнику исключительное руководство почтенным корпусом стражей порядка.

Итак, понадобились десять лет и опыт пяти префектов, чтобы прийти к этому решению.

17 февраля 1879 года господин Альбер Жиго положил этому начало, поставив во главе службы сыскной полиции полицейского комиссара.

9 марта 1881 года господин Андриё передал этому начальнику бригаду полиции нравов.

1 апреля 1884 года господин Камескасс сохранил за новым начальником сыскной полиции статус магистрата.

15 апреля 1885 года господин Граньон наконец освободил службу от подчинения, а 1 сентября 1889 года господин Лозе окончательно урегулировал положение муниципальной полиции.

Если во все времена префектуру полиции недооценивали, то потому, что политика слишком часто отвлекала её от подлинной задачи — охраны общества.

Господин Лозе вскоре понял это и, желая сделать своё управление популярным, только что удовлетворил пожелание парижан, которые, несмотря на чрезмерные налоги, по-прежнему щедро содержат полицию при условии, что она обеспечивает свободное движение по улицам и быстрое задержание преступников.

Пусть, в свою очередь, служба сыскной полиции остерегается надевать старое политическое рубище муниципальной полиции — оно изъедено паразитами из числа тайных агентов, — иначе она быстро утратит плоды своего завоевания. Уголовная полиция — её подлинная область деятельности; если она ограничится ею, я предсказываю, что её важный труд увенчается успехом. Таким образом, она может стать совершенным орудием и самой значительной силой префектуры полиции.

Начальник и сотрудники теперь обладают властью, позволяющей действовать; пусть они не забывают, что чем больше пользы приносит служба, тем больше внимания она привлекает, но тем тяжелее становится возлагаемая на неё ответственность; поэтому личный состав сыскной полиции должен показать себя достойным предоставленных ему полномочий.

Вот почему, дорогие читатели, я выражаю вам свою благодарность. Если бы в самом начале вы меня оставили, мне было бы трудно продолжать борьбу, которую я считал необходимой, поскольку ради общей безопасности следовало покончить с прискорбной рутинной, устранение которой, рассеяв многие предубеждения, позволит выше оценить заслуги парижской полиции.

Словом, многие усовершенствования и реформы, которых я тщетно требовал в годы своей службы, осуществились тогда, когда, уже не имея ни прав, ни власти, я располагал только пером, чтобы указывать на предосудительные порядки. Успех моих книг и приблизительное достижение намеченной цели стали, могу сказать, наградой за мои долгие труды; я ссылаюсь на них в своё оправдание перед вами, чьи чувства могли быть оскорблены некоторыми натуралистическими описаниями; но тот, кто не прикасается к ране, не может увидеть, понять и оценить её глубину и то огромное расстройство, которое она причиняет обществу.

Внушить отвращение к пороку — уже немало, и я повторю вслед за Теофилом Готье, этим тонким и обаятельным умом: «Я пишу не для маленьких девочек, которым хлеб нарезают на бутерброды».

Мои книги могут читать только люди, занимающиеся изучением преступности; лишь они понимают и видят на каждой странице беспристрастный рассказ о том, чему я был свидетелем. Не имея больше прежних причин показывать человеческий род с откровенностью медицинского сочинения, то есть со стороны его отталкивающих, низменных и жестоких черт, я прибегаю для своих читателей и читательниц собрание преступлений, совершённых под влиянием страсти, которыми занимался на протяжении своей долгой судебной карьеры.

Мне остаётся лишь вручить вам ключи от шкафа-витрины моего «криминального музея», но прежде я хочу рассказать вам о его происхождении.

В конце июля 1877 года господин Бланкар де Салин, следственный судья, передал мне небольшой молоток и лезвие бритвы.

— Нужно установить происхождение этих окровавленных предметов, — сказал он мне, и, чтобы облегчить мои поиски, этот магистрат рассказал следующее:

Сегодня утром на улице Жан-де-Бове я обнаружил в тесной каморке, лишённой воздуха и света, двух человек, лежавших на соломе, покрасневшей от крови, обильно вытекшей из размозжённой головы женщины и перерезанного горла мужчины. Мне показалось, что вскоре после убийства последовало самоубийство. Почему было совершено это убийство? Почему произошло это самоубийство?

Расследование полицейского комиссара установило, что мужчина, старый уличный подметальщик, уже восемь дней приходил ночевать в эту жалкую каморку, отдавая каждый вечер консьержу по двадцать сантимов. Вчера он, должно быть, проник туда тайком, во-первых, чтобы ничего не платить, а во-вторых, чтобы облегчить вход в лачугу женщинам того сорта, которых называют «пьеррёрз». Убитую женщину опознали: она была постоянной посетительницей кабачка на улице дез-Англе. Она и её любовник вышли из дешёвой распивочной папаши Люнетта около одиннадцати часов, оба пьяные и поддерживавшие друг друга.

Несмотря на дурные знакомства, старик прежде не имел судимостей. Я ищу побуждение, сделавшее его убийцей, поскольку о заранее обдуманном намерении свидетельствует покупка молотка и бритвы, найденных возле трупов. Эти предметы неизвестны ни консьержу, ни жильцам, ни торговцам старьём, держащим лавки в окрестностях площади Мобер.

— Где работал этот подметальщик? — спросил я господина де Салина.

— На перекрёстке Обсерватории, — ответил он, добавив, что убийца питался в кабачке «Гильотина» на улице Галанд.

Это зловещее название происходит от окрашенного в красный цвет фасада заведения, в котором не подают еды; официанты лишь одалживают зазубренные ножи и тарелки посетителям, принёсшим с собой объедки.

— Поле моих поисков, — сказал я судье, прощаясь с ним, — весьма ограничено; за отправную точку я возьму винную лавку «Гильотина» и обойду улицы Паршменри, де-ла-Арп и Сен-Жак вплоть до перекрёстка Обсерватории.

Два часа спустя я вернулся в сопровождении агента, нёсшего корзину, полную поддельных ключей, ломиков, называемых «монсеньорами», холодных зубил, серпов, воровских пил и молотков, купленных мною у старьевщика на улице Фёйантин, от которого происходили и окровавленные молоточек и лезвие бритвы, переданные мне господином Бланкаром де Салином.

— Я нашёл торговца, — сказал я судье, — он узнал оба предмета, проданные вчера утром старому подметальщику за три франка. И когда я удивился столь высокой цене при ничтожной стоимости товара, он воскликнул: «У бритвы была рукоятка, а вы не показываете мне кухонного ножа, который один стоил двух третей этой суммы».

— Эти три предмета, — спросил я этого человека, — были выставлены у вас на прилавке?

— На самом видном месте.

— Они не записаны в вашей полицейской книге?

— Я не считал такую запись необходимой, поскольку эти предметы были куплены на публичных торгах в зале распродажи государственного имущества на улице Эколь.

И, показывая мне груды железного лома в самом тёмном углу своей лавки, он сказал:

— Вы можете заявить суду, что я достал все три орудия именно из этой груды.

— Знал ли он своего покупателя? — спросил господин де Салин.

— Не совсем. Они встретились в складе абсента на улице Сен-Жак, неподалёку от Вальде-Грас.

— Объяснил ли убийца причину своей странной покупки?

— Он говорил о брате, живущем в провинции, куда сам собирался вскоре отправиться.

— Старый подметальщик действительно заранее обдумал своё преступление, и в этом случае, как и во многих других, дело будет сдано в архив, так и не позволив никому узнать причины, вызвавшие эту кровавую драму.

— Разве Монтень не писал, «что от самой здоровой головы до самой помешанной нередко всего пол-оборота винта»?

Здесь перед нами два закоренелых алкоголика, и старый «сожитель пьяниц» (пьяных женщин), должно быть, обдумал свой поступок в минуту просветления. Лишь человеческий род порождает подобные поступки; и, независимо от того, было ли убийство предумышленным, смерть этой «уличной проститутки» и её убийцы не причинит обществу никакого ущерба. Эта драма ещё раз показывает, что связи, зарождающиеся возле сточных канав, заканчиваются кровью.

Но больше всего меня поражает присутствие у ног трупов молоточка и бритвы, во второй раз совершивших своё злое дело. Уже изъятые, пронумерованные, опечатанные, сданные в судебную канцелярию и снабжённые ярлыками, благодаря которым их можно затем выставить в суде присяжных на столе вещественных доказательств, эти памятные предметы преступления после осуждения виновных возвращаются в канцелярию для передачи управлению государственных имуществ, которое продаёт их среди потерянных и невостребованных вещей.

— Не кажется ли вам, господин судья, что бывают странные совпадения? Альфонс Доде иногда называет их «изнанкой жизни».

— Этому глубокому психологу следовало бы найти для нас другое выражение, более таинственное и более проникнутое фатализмом, чем эта «изнанка», чтобы описать череду кровавых деяний, совершённых одними и теми же орудиями, купленными случайно и в далеко отстоящие друг от друга времена. Не новая ли это разновидность атавизма? Не таится ли дыхание преступления в этих остатках прежних убийств?

— Такое суждение следовало бы подкрепить гораздо более определёнными фактами. Существуют, конечно, сопоставления, поражающие ум мыслителя видимостью рока, словно привязанного к определённым людям, как и к определённым местам. Не говоря уже о знаменитой караульной будке, в которой часовые повадились пускать себе пулю в голову, или о предании о заколдованном дубе, ветви которого служили виселицей для жителей целой деревни, мы с вами и сами были призваны видеть, как в одних и тех же местах повторялись ужасные трагедии. Всё это лишь удивительные явления, на которых любители суеверного могут основывать доводы в пользу своих верований.

— И всё же существуют дома, словно предназначенные судьбой, где кровь зовёт кровь, подобно тому как существуют оружейники и торговцы ножами, чьи витрины притягивают преступников. Тропман, чтобы назвать лишь одного, купил лопату и кирку для рытья могилы своим жертвам у торговца, к которому я трижды подряд являлся на основании судебных поручений, чтобы установить происхождение орудий, проданных убийцам.

Тщательно перебирая груды железного лома у старьевщика на улице Фейантин, я отобрал предметы, относящиеся к истории преступлений, и в этой корзине оказалось собрано всё, что нужно, чтобы взломать дверь «монсеньором», вскрыть замок, открыть денежный ящик и устроить непрошенных свидетелей. Здесь нет недостатка ни в чём, даже в верёвке для перелезания через стены, сигнальном приборе, или свистке с колёсиком, и потайном фонаре. На кузнечном молотке ещё держатся частицы высохшего мозга, а на лезвии ножа с подвижным кольцом я заметил пятна, похожие на ржавчину, которые на самом деле были кровью. Торговец старьём говорит правду: он действительно приобрёл на складе государственного имущества

эти орудия с ужасным прошлым, ибо большинство из них послужило для кровавых деяний. Я считаю эти распродажи тем более безнравственными, что преступники знают о них; впрочем, о них объявляют на афишах, и преступники посещают их и сговариваются со старьевщиками, чтобы столь же легко обзаводиться орудиями, сколь торговцы поношенной одеждой одевают их сообразно времени, часу и обстоятельствам. С вашего согласия, сударь, я направлю генеральному прокурору и префекту полиции доклад о продаже с аукциона некоторых вещественных доказательств, поступающих из канцелярии Апелляционного суда и представляющих особый, характерный интерес, особенно тех, которые принадлежали известным преступникам и, всё ещё запятнанные кровью, вновь поступают в обращение.

— Я не только одобряю ваше намерение, но и передаю вам этот молоток и эту бритву, которые, надеюсь, больше никому не послужат.

Я расстался с господином Бланкаром де Салином и, вернувшись в комиссариат, составил упомянутый доклад, который, не получив никакого решения, лишь пополнил папки административных бумаг.

Став начальником службы сыскной полиции, я воспользовался случаем, чтобы подробно рассказать представителям прокуратуры при суде о том, что произошло в кабинете следственного судьи.

Перемены уже должны были осуществиться, когда политические события, оказавшиеся сильнее человеческой воли, одного за другим сместили генеральных прокуроров. Тем не менее я добился передачи мне предметов, не представлявших ценности, и вот чем я теперь располагаю:

Молотки Менесклу, Барре, Абади, Белланже, Бонфиса, Бистора, Марье, Метраля, Гайепо, Спресера;

Кувалды Шомбера и Минара;

Топорики Вайсхаарта и Лашеза;

Разбитые, выскобленные и покрытые лаком черепа некоторых их жертв;

Сцепная скоба тендера, которой Прево размоzzжил голову ювелиру Леноблю;

Скалка молодого Оливье;

Ножи Леметра, Ферри, Мартена, Жилья, Пижонна и Перрета;

Шило Лакруа;

Плеть из бычьей жилы, принадлежавшая Гастену;

Разбитый сифон Фуллау;

Бритва Ролена;

Шейный платок Коше;

Ремни Блена и Бегена;

Кляп Фенайру;

Получая по пять франков за каждый предмет, дежурный канцелярский служитель приносил их мне, а я расписывался в получении в особой книге.

Вот каким образом я собрал эти остатки убийств, краж и бесчестья, ибо у каждого из них ужасающая история происхождения.

Добровольно оставляя свою должность, я хотел передать в архивы службы мой «шкаф преступлений», но ещё не знал имени своего преемника и на следующий день узнал, что по распоряжению муниципальной полиции мой кабинет и помещения, которых мне стоило столько трудов добиться, освобождают. Господин Кобе, вновь став хозяином положения, пожелал вернуть сыскной службе её прежнее устройство, то есть снова подчинить её офицеру полиции. Господин Камескасс воспротивился этому, понимая необходимость сохранить во главе столь важной службы полицейского комиссара. Начальник его кабинета, господин Пюибаро, как и он, счёл, что на этот раз интересы публики должны стоять выше самолюбия и личных счётов;

оба настояли на своём, и господин Кюн вступил в должность через два дня после моего ухода, о котором я официально и письменно объявил ещё за шесть месяцев.

Этот конкретный факт лучше всяких слов объясняет, с каким ожесточением шла борьба между кабинетом префекта и муниципальной полицией.

Мой друг Кюн отправил мне в Шампиньи телеграмму о своём назначении.

Привожу её текст:

«Подписано в полдень в моём присутствии, я назначен. Сердечный привет».

Этот мужественный служащий не подозревал, что только что был подписан его смертный приговор.

В ожидании того, когда мы сможем договориться относительно опечатанных вещественных доказательств, я переслал ему несколько поддельных банковских билетов.

28 ноября 1885 года господин Кюн внезапно умер в моём бывшем кабинете на набережной Орфевр. Его секретарь Мартини принёс госпоже Кюн скорбную весть; исполнив эту тяжёлую обязанность, он велел положить тело своего покойного начальника на носилки, и агенты Гайярд, Демужео, Жом, Лендас, Обермейер и Россиньоль перенесли его к несчастной вдове, которая одна познала страдания этой новой жертвы муниципальной полиции.

После этой смерти моя дружеская переписка была изъята, поскольку мой почтенный преемник тоже обладал даром вызывать неудовольствие; его награда, заслуженная благодаря ранениям, полученным на военной службе, во время которой он лишился левого предплечья, заставляла бледнеть некоторые красные ленточки, полученные без заслуг, по протекции. Этот однорукий человек показывал им, как он служил своей стране.

После смерти Кюна его кабинет и служебные помещения вновь были разобщены, и лишь в апреле 1888 года господин Горон снова получил их в своё распоряжение.

Не знаю, какая судьба была уготована предметам, составляющим мою коллекцию, но я намерен обеспечить им будущее, поскольку твёрдо решил передать их либо в зал антропологии, либо в музей государственных служб, который предполагается создать во Дворце свободных искусств.

Господин Гийо, следственный судья, моралист и историк, в своей хорошей и прекрасной книге «Страдающий Париж» уже потребовал сосредоточить в одном месте вещественные доказательства, представляющие научный и судебный интерес.

«Судебные чиновники и врачи, — писал он, — нашли бы там сведения, исследования и материалы для сравнения, которые помогли бы им разобраться в деле, избежать ошибок в аналогичных случаях и дали бы им весьма точные данные по множеству уже исследованных вопросов».

Что касается фотографий убийц и их жертв, которые вам предстоит увидеть, дорогие читатели, то большинство из них уже появлялось в приёмных наших ежедневных газет, в иллюстрированных изданиях и в волшебных фонарях, установленных на общественных улицах. Музей Гревен выставляет восковые изображения Кампи, Гамаю и часовщика Пеля; там даже отведено место волнующей сцене, в которой бригадир сыскной полиции Россиньоль, хотя и получив несколько ножевых ранений, всё же задерживает анархиста Дюваля, ограбившего и поджёгшего особняк госпожи Мадлен Лемер.

Среди остальных персонажей многие умерли, а живые принадлежат к категории неисправимых рецидивистов, постоянных обитателей центральных тюрем. Я назову только наиболее примечательных.

А теперь, завершая этот ретроспективный обзор, я начинаю описание моего криминального музея с уменьшенного воспроизведения любительской фотографии, изображающей старый Малый паркет.

Ночью 23 мая 1871 года Париж горел: огромные языки пламени, клубясь в небе, багровили горизонт и окрашивали воды Сены в кровавый цвет. Казалось, в этом всеобщем пожаре огонь заменил собой солнце.

Ancien petit Parquet.

Старый Малый паркет. (Оригинальная иллюстрация)

Среди огромных очагов пожара обрушивались кровли и купола Тюильри, дворца Почётного легиона, Счётной палаты, Государственного совета, Депозитной и ссудной кассы, Мини-

стерства финансов и Хлебного амбара, время от времени производя грохот, подобный раскатам грозы.

С факелами в руках отряды поджигателей, прежде чем предать огню эти дворцы и памятники, тщательно и методично обмазывали их керосином. Из недоверия к другим они сами впрягались в тяжёлые повозки, нагруженные просеренными фитилями и бутылками с минеральными маслами.

Утром 24 мая Дворец правосудия, резиденция префекта полиции и её пристройки, называемые поджигателями и поджигательницами «ящиком для любопытных»¹, постигла та же участь, и лишь чудом Сент-Шапель устояла среди развалин.

В третий раз (1618—1776—1871) архивы старого Дворца, равно как и архивы префектуры полиции, были уничтожены. Распорядители этих разрушений, желая одним ударом уничтожить административные и судебные досье своих сообщников, прошлись пропитанными горючим и подожжёнными губками по сведениям об их прошлом, которые должны были изобличить их как настоящих преступников, ибо некоторые деяния Коммуны не имеют ничего общего с политикой и по праву принадлежат к области уголовных преступлений.

После бедствий войны и разрушений Коммуны принялись временно устранять ущерб, причинённый пожарами, чтобы безотлагательно разместить необходимые службы.

Фотография старого Малого паркета, отпечатанная, как и две следующие, примерно в двадцати экземплярах, показывает облик этого здания не сразу после 24 мая 1871 года, а в 1880 году, когда оно должно было вскоре исчезнуть, уступив место новым постройкам.

Судебные чиновники и посетители входили в старый Малый паркет через каменную пятиугольную башенку, примыкавшую к довольно внушительному фасаду в стиле Людовика XIII; эта башенка имела всего один этаж, была покрыта шифером, а на её стороне, параллельной стене, к которой она примыкала, были прорезаны два небольших круглых оконца. У заключённых и их конвоиров был особый вход, выходивший во двор Сен-Мартен напротив Депо. Кабинеты судей и заместителей прокурора были тесными, лишёнными дневного света, а тёмные, плохо освещённые коридоры позволяли обвиняемым переговариваться, переписываться и совершать побеги.

Новое помещение Малого паркета, более удобное, всё ещё недостаточно и несовершенно для многочисленных дел, требующих быстрого исполнения, которыми он занимается ежедневно. Теперь оно непосредственно соединено с Депо.

Депо представляет собой огромную тюрьму, подведомственную префектуре полиции. Оно устроено под подвальными этажами зданий суда присяжных и служит преддверием других тюрем; в него могут помещаться лишь лица, временно взятые под стражу, которые все без исключения обязаны в течение сорока восьми часов предстать перед следственными судьями, состоящими при Малом парке. Их подвергают краткому допросу заместители прокурора, которые от имени прокурора Республики вправе освобождать их, но не имеют права распоряжаться об их переводе в следственную тюрьму Маза. Только судьи уполномочены подписывать приказ о заключении под стражу. С этого момента обвиняемый поступает в их распоряжение; так начинается предварительное заключение. Поэтому необходимо, чтобы судебные чиновники могли беспрепятственно сообщаться между собой, поскольку ежедневно в Депо поступает от 150 до 200 арестантов и движение заключённых между ним и Малым паркетом не прекращается.

Две следующие фотографии изображают: 1° круглую выступающую башенку, известную под названием «Башенка Белой королевы»; 2° аркады двора Сен-Мартен.

Стрельчатая арка главной аркады покоилась на двух пристенных колоннах, капители которых были украшены фигурками монаха и монахини, державшихся за руки; эту группу

¹ Тюремный жаргон. «Ящик» означает дурное заведение, а «любопытные» — судей.

называли «Монах и распутная монахиня». Большая арка открывала доступ в подземное помещение с крестовым сводом, рёбра которого ещё можно было увидеть.

Ancienne Tourelle de la Reine Blanche.

Ancienne Cour Saint-Martin.

Лист 2. Старая башенка Белой королевы; старый двор Сен-Мартен. (Оригинальные иллюстрации)

Пришлось снести эту башенку и эти аркады, обгоревшие камни и части стен которых грозили обрушением.

Двор Сен-Мартен давал свет Депо, залам суда присяжных, Кассационному суду; и публика могла видеть зарешеченное окно темницы Марии-Антуанетты.

Тюремные повозки, перевозящие задержанных, отправленных из полицейских комиссариатов в префектуру полиции, и поныне въезжают в этот старый, перестроенный двор, чтобы высадить доставленных либо в дежурной части, либо у входа в Депо.

Помимо своих служб, Дворец правосудия заключает в своих стенах Сент-Шапель и две тюрьмы: Консьержери и Депо.

До сих пор префектура полиции скорее была разбросана по всем закоулкам Дворца правосудия, чем действительно связана с ним, и, если эти два могущественных учреждения более или менее терпели друг друга, то скорее по рассудку, чем из взаимной симпатии. Недавний судебный процесс едва не привёл к их разводу; но между ними существует такая взаимная зависимость, что разлучить их будет трудно.

Прошло уже более тридцати шести лет с тех пор, как префектуру полиции выселили с улицы Жерюзалем, а её временное размещение продолжается до сих пор. С 1853 по 1871 год её кабинеты занимали дома по стороне нечётных номеров улицы дю Арле, а с начала 1872 года она расквартирована, чтобы не сказать — заключена в плен, у муниципального совета, который стремится осуществить свою мечту: завладеть полицией. Конец этого великого и необходимого учреждения кажется мне близким², если только государство решительным, энергичным действием не сосредоточит в своих руках все службы, необходимые для его работы. Правительство должно рассчитывать на действия своей полиции, являющейся органом центральной власти, и для этого ему было бы достаточно изъять её из-под влияния всё более революционных действий муниципального совета³, одновременно предоставив ей подходящее помещение, которое нетрудно было бы найти, объединив казарму Сите с двумя зданиями генерального штаба на бульваре дю Пале. Подземные переходы соединяли бы эти здания с Дворцом правосудия и Депо.

Этот проект, обсуждавшийся ещё в 1878 году, так и остался проектом; если бы его осуществили, Дворец правосудия вновь получил бы принадлежащие ему помещения, которые занимают оперативные и административные службы полиции. Тогда можно было бы завершить работы, а новое устройство позволило бы расширить Депо и Консьержери, где, несмотря на несомненные улучшения, недостаёт дневного света и воздуха. Можно было бы также превратить освободившиеся помещения в камеры для женщин, обвиняемых в общеуголовных преступлениях и проступках, чтобы избежать их перевода в Сен-Лазар.

Система одиночного содержания, применяемая к мужчинам и женщинам, имеет неоспоримые преимущества, и прежде всего именно в Депо её следовало бы ввести, чтобы оградить обвиняемого от всяких контактов и избавить его от дурных советов.

Среднее число содержащихся в Депо составляет от 600 до 700 человек.

Господин Делангль, министр юстиции, завершал в 1853 году свой доклад, объявляя, что для окончания строительства Дворца правосудия и префектуры полиции потребуется двадцать лет; прошло тридцать шесть лет, и, хотя дело далеко не завершено, расходы на временное и последовательное размещение служб, оценённые в 1856 году в три миллиона, в 1860 году были

² В 1872 году господа де Кератри, Бриссон и Флоке требовали её упразднения. Господин Мишлен в июне 1888 года также потребовал этого упразднения с восстановлением центральной мэрии. — Уже шесть лет радикальное большинство муниципального совета отвергает бюджет префектуры полиции целиком. Последнее его решение датировано 31 декабря 1889 года.

³ 27 декабря 1889 года. — Муниципальный совет постановляет присвоить новые названия различным улицам Парижа; среди них значатся имена Дантона, Сотерра, Мильера и Бланки.

увеличены до восьми миллионов, а в 1877 году достигли тридцати шести миллионов. Эти расходы распределены между государством, департаментом и городом Парижем; здесь действуют три различные стороны и существует несколько видов платежей.

Согласие всегда находится, когда речь идёт о получении денег налогоплательщиков, но происходит прямо противоположное, когда нужно открыть новые кредиты или хотя бы продлить прежние.

.....

Шедевры искусства, пощаждённые временем, слишком часто гибнут вследствие умышленных пожаров, которые становятся последним доводом восставших и печальным завершением гражданских войн у всех народов. Страшный, беспощадный огонь за несколько часов безжалостно пожирает великолепные собрания, священные памятные реликвии, документы большой исторической ценности, на собирание которых порой уходили целые столетия упорного труда.

Несмотря на постигшее её бедствие, префектура полиции всё ещё обладает частью своих старых архивов, и когда 25 ноября 1889 года господин Крессон, глава адвокатской корпорации, в своей речи по случаю открытия конференции адвокатов выразился следующим образом: «28 ноября 1846 года я впервые присутствовал на конференции и перед Сент-Шапель, окружённой строительными работами, скрытой под лесами, не без труда разыскал место собрания — библиотеку. Бедная библиотека, уничтоженная поджигателями 1871 года и до сих пор оплакиваемая! Она была не тем длинным, узким, неудобным и нездоровым коридором, в котором вот уже восемнадцать лет адвокатская корпорация вынуждена собираться. Впрочем, правда и то, что постройки старого дворца не были ни монументальными, ни роскошными».

Глава адвокатской корпорации, говоря о богатой библиотеке адвокатов, обращённой в пепел, должно быть, вспомнил, что бывший префект полиции, занимавший этот пост с 3 ноября 1870 года по 10 февраля 1871 года, спас некоторые документы вверенного его попечению учреждения. Именно благодаря бдительности господина Крессона писатели смогут и впредь черпать ценные сведения о политической жизни Парижа. В тяжёлую пору осады, когда прусские снаряды разрывались над осаждённым городом, этот неподкупный магистрат, одновременно распорядившись раздать имевшиеся в его распоряжении секретные фонды жертвам обстрелов, раненым и семьям, оставшимся без хлеба и укрывавшимся в подвалах, приказал построить подземное хранилище для значительного количества реестров, документов и записок, которых не достигли пожары мая 1871 года. Бумаги, не укрытые в безопасном месте, стали добычей пламени, а папки с расследованиями беспорядков, происходивших в Париже начиная с 1720 года, были уничтожены.

Среди сгоревших дел находились:

«История общества в середине XVIII века»;

Причины заключения Сен-Жюста, арестованного в 1786 году в возрасте девятнадцати лет по просьбе своей матери;

Обширное следствие по так называемому делу об Ожерелье королевы;

Документы, относящиеся к событиям 10 августа 1792 года;

Протоколы заседаний революционных комитетов;

Протоколы, относящиеся к сентябрьским массовым убийствам;

Реквизиционные требования на поставку соломы, предназначенной для того, чтобы скрыть кровь жертв, пролитую на землю;

Реестры тюрем Консьержери, Гранд-Форс и Пти-Форс, Сен-Лазар, Мадлонетт и Аббатства.

Последний, более известный под названием «реестр массовых убийств», содержал записи о заключении несчастных, погибших в кровавые сентябрьские дни.

С точки зрения исторических исследований исчезновение этого документа прискорбно. К счастью, господину Эжену Лаба, архивисту префектуры полиции, умершему в 1867 году, пришла счастливая мысль снять для себя, из любопытства, частичную копию, найденную впоследствии среди его бумаг. Эта копия тем более драгоценна, что исполнена в виде факсимиле; начало и конец каждой страницы, как и в оригинале, зачёркивания, вставки, а также орфография были воспроизведены с самой скрупулёзной точностью.

Господин Леон Лаба, чтобы уменьшить потерю, понесённую архивами, подарил им рукопись своего отца, а во избежание нового уничтожения сочли необходимым воспроизвести фотографическим способом тридцать листов этого старинного реестра, предназначенных для наших главных библиотек.

У меня имеется один из этих редких экземпляров, который я не могу привести целиком, поскольку мой том должен содержать лишь тридцать шесть иллюстрационных таблиц, на которых я хочу показать основные типы преступников, а также предметы, знакомые только всегдашним судам присяжных.

Реестр массовых убийств представлял собой книгу формата ин-фолио в жёлтом пергаментном переплёте, высотой 34 сантиметра и шириной 23 сантиметра; в нём содержалось 187 пронумерованных и парафированных листов, заверенных Анри-Франсуа де Полем Лефевром д'Ормессоном, председателем суда шестого округа Парижа⁴.

Реестр, начатый 3 августа 1792 года, обрывался на 29 января 1793 года. На форзаце была начертана следующая надпись:

Представь отчёт о тюрьме, который составляется с величайшей тщательностью: в какой день каждый был заключён под стражу, когда умер и когда был убит.

ЦИЦЕРОН, «Против Верреса».

На первом листе имелась вступительная запись, подписанная Лефевром д'Ормессоном.

Таблица 3. Книга тюремной регистрации. Факсимиле титульной надписи и протокола открытия реестра.

⁴ «Газетт де Трибюно» в своих номерах за 4–7 января 1884 года привела подробности записей о заключении, представляющих интерес в связи с массовыми убийствами. Статьи подписаны Л. Лаба, бывшим архивистом префектуры полиции.

PL. 3

Le Procès de J. J. Rousseau

Ces papiers sont ceux de J. J. Rousseau, qu'il a écrits
conscient, qui qu'on ne voit pas en cette date,
que mortuus, que natus est.
Cicero in Seneca.

premier feuille
Lefevre Dormesson

Le Procès de J. J. Rousseau contenant cent quatre vingt
sept volumes ou feuillets a été coté et paraphé par
Monsieur Pierre J. J. Rousseau de la ville de Genève.
Juge Président Le tribunal du sixième arrondissement
du Département de Paris siégeant à la cy devant abbaye
St Germain des Prés pour servir à la cause
de la liberté des Prisonniers de l'abbaye St Germain des Prés
de l'empire mil sept cent quatre vingt deux
l'an 4. de la liberté. + au voir de notre ord. de la
ville. + ou maison d'arrêt de la cy devant

Lefevre Dormesson

На таблице 3 в виде факсимиле воспроизведены надпись и протокол открытия реестра.

На втором листе, датированном 3 августа 1792 года, четвёртым годом Свободы, слева, на полях, имеется следующая запись: «Господин Жуссо, депутат, освобождён в силу декрета Национального собрания, датированного сегодняшним числом».

На восьмом листе, под датой 8 августа, находится такая запись о заключении: «Пьер-Дени Роше, сапёр батальона Трините, заключён под стражу на основании ордера на арест, подписанного господином Менжо, мировым судьёй, по обвинению в том, что он обнажил саблю

во время драки на Елисейских Полях». (От 4 сентября 1792 года. Роше, судимый народом, тотчас же (так в оригинале) освобождён.)

На девятом листе, за 10–11 августа, пятьдесят шесть имён, расположенных столбцом, обозначают офицеров и швейцарских гвардейцев, захваченных во дворце Тюильри.

На полях этой длинной коллективной записи о заключении Майяр написал злое слово: «Мёртв».

Последующие записи о заключении составлены следующим образом:

11 августа. — Заключены под стражу на основании устных распоряжений Центрального комитета и доставлены под конвоем граждан различных секций как бывшие королевские гвардейцы.

Далее следует список из двадцати шести имён. (Мертвы.)

12 августа. — Франсуа Ла Пиз заключён под стражу на основании ордера на арест, выданного общим собранием Люксембургской секции, как подозрительное лицо. (Освобождён с 3 на 4 сентября 1792 года. Франсуа Ла Пиз, судимый народом и освобождённый. — Казнён. — Неизвестно.)

В оригинале обе пометы — «Освобождён» и «Казнён» — зачёркнуты. Слово «неизвестно» осталось нетронутым.

Относительно действительной участи этой жертвы возникло сомнение, поскольку слова «свобода» и «смерть» были вымараны и вместо них написано «неизвестно».

16 августа. — Пьер-Тома Жибо заключён под стражу на основании распоряжения господина Миля, комиссара секции Гобеленов.

В тот момент, когда дописывали слово «освобожд...», его зачеркнули, чтобы добавить «Убит на месте». (С 4 на 5 сентября господин Тома Жибо был судим народом и «освобожд... убит на месте».)

19 августа. — «Господин де Монсабре, адъютант Бриссака, заключён под стражу на основании распоряжения администраторов полиции и Национальной гвардии, членов наблюдательной комиссии». (От 4 сентября. Мёртв. Господин Монсабре был судим народом и немедленно предан смерти.)

Слово «Мёртв» написано Майяром.

Настоящее имя этой жертвы — Монсабре; она попыталась бежать через дымоход камина, отверстие которого было загорожено решёткой. Тюремщики вновь схватили её, поджёгши солому в очаге.

22 августа. — Господин Монморен, бывший министр иностранных дел, заключён под стражу по распоряжению Комитета общей безопасности. (4 сентября. Господин Монморен был судим народом и немедленно казнён.)

24 августа. — «Некто Фуке, заключён под стражу по распоряжению господ администраторов наблюдательного комитета».

Майяр ограничился тем, что поставил одну лишь букву «М». («М. С 3 на 4 сентября господин Фуке был судим народом и немедленно предан смерти».)

26 августа. — «Господа Вандмерг, Оверман и Одри, заключены под стражу по распоряжению администраторов полиции из Комитета наблюдения и общественного спасения». (Все трое мертвы по приговору народа. — Эта помета сделана рукой Майяра.)

30 августа. — «Госпожа Фосс-Ландри, племянница господина Шаппе (вместо Шапт), Растиньяк, заключён (так в оригинале) под стражу по распоряжению господ администраторов департамента полиции и общественного спасения, подписанному Сержаном и Кали».

На полях читаем:

«Освобождена», — написано Майяром, а затем: «от 4 сентября. Был судим (так в оригинале) народом и немедленно предана смерти».

Майяр, заметив эту ошибку, которая могла оказаться роковой для госпожи Фосс-Ландри, зачеркнул слова «предана смерти» и вторично написал «освобождена».

Вот ещё одна коллективная запись о заключении, касающаяся тридцати жертв, в частности духовных лиц, от 1 сентября 1792 года:

«Нижеследующие заключён (так в оригинале) сегодня под стражу по распоряжению администраторов полиции и городского надзора:

Руайе, бывший кюре.

Симон, священник, прежде каноник.

Бей, священник.

Жерве, бывший каноник.

Дюбуа, бывший кюре.

Каппо, священник.

Бенуа-младший, священник.

Аббат Сен-Клер.

Трюбер, бывший кюре.

Саломон, священник, жив.

Юре, священник.

Серон, поверенный.

Вилье.

Луа.

Гюри-старший.

Гюри-младший.

Жоз. Матис.

Депомере, священник.

Годар, священник.

Трестондан.

Дюбузе, священник.

Ютрель-старший, священник... Мёртв.

Ютрель-младший, священник... Мёртв.

Рато, священник.

Пиа.

Гобер, священник.

Валекер.

«1°. По приговору народа от 4 и 5 сентября 1792 года все лица, включённые (так в оригинале) в эту запись о заключении, числом двадцать девять (имён здесь двадцать семь), были убиты на месте. Как утверждала значительная часть народа».

«2°. С 4 на 5 сентября 1792 года. Господин Саломон, священник, был освобождён народом, равно как и господин Бенуа Луи Симон, также священник».

«3°. Виле жив».

«4°. Юрель-старший мёртв».

«Юрель-младший, оба мертвы с 2 на 3 сентября 1792 года».

Именно эта последняя запись о заключении и несколько других воспроизведены на таблице 4.

Копия реестра, сделанная господином Э. Лаба, обрывается на 4 сентября этой скорбной записью: «Господин Клод Гюйе поступил в тюрьму Аббатства и четверть часа спустя был казнён народом».

В итоге с 3 августа по 4 сентября под стражу были заключены 263 человека, из которых 127 были убиты, 43 освобождены, 54 переведены в другие тюрьмы, а судьба 39 осталась неизвестной.

Что же делал на форзаце реестра заключённых тюрьмы Аббатства этот отрывок из речи Цицерона против Верреса?

«Дайте мне реестр заключённых, который ведётся с величайшей тщательностью и в котором указан день заключения под стражу, смерти и казни».

«Cedo rationem carceris» — «Предъяви тюремный реестр», — говорил почти две тысячи лет назад величайший оратор древности. Говоря так, Цицерон упрекал Верреса во всех совершенных им насилиях, во всех учинённых им убийствах, жертвы которых, казнённые сразу по прибытии в тюрьму, не были упомянуты в реестре сиракузской тюрьмы: «quo quisque die datus in custodiam, quo mortuus, quo necatus sit» («в какой день каждый был заключён под стражу, когда умер, когда был убит»).

Таблица 4. Факсимиле реестра заключённых тюрьмы Аббатства (первый лист).

PL. 4

Les fragments du peuple de l'ars. 1792
Les personnes, y compris, dans des années au
nombre de vingt neuf, ont été mis à mort
sur la chaise. Et quelques grandes parties
du peuple ont été mis à mort. — — —

Du 1er Septembre 1792
 Les citoyens ont été convoqués à 10
 heures au village de St. Martin, à
 la messe de 8 heures, à la messe de 10
 heures.

- Roger armin aux ^{work}
- Simon pite ayward chanine
- Pey Pite
- Lorrain armin chanine
- Dubois armin aux
- Cayman Pite
- Bernier Pite
- Bernier ande Pite
- + Abbe' St. Clair

Dada a S. J. de 1792
 p^{re}ta aill. m. en blanc
 par le peuple de la tierce: oris-
 douir sinon aussi p^{re}ta.

Vilens vivens.

brushed hair' on it
brushed with more than 200
in camp on Nov 9th 1792

June 24 1792

Erubert an der Seite eines
Salomon Ritz

Salomon Raza

J. L. B. Simon Petre vivante

huri' Rute

Jeron avoué

Hillars

Long

Every time

[Handwritten signature]

Long term
current lab

En - month

[Faint handwritten notes at the bottom of the page]

What time
Dinner /

Expendant

Dubouche Pierre

• *Practical Sailing* Peter... *Work*

... and ...

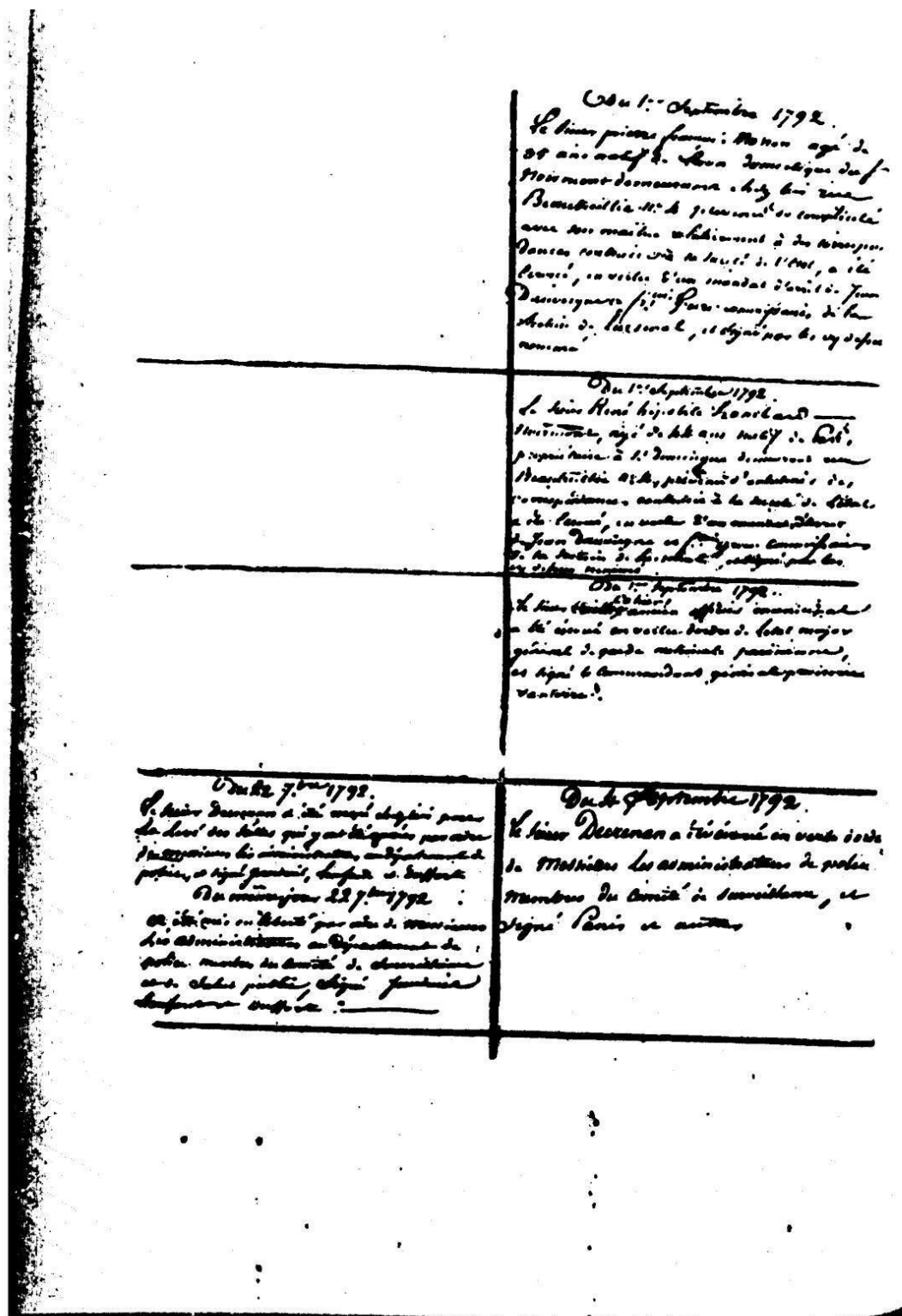
Robert White

Piat

Gambel's Quail

Waleker

Таблица 4. Факсимиле реестра заключённых тюрьмы Аббатства (второй лист).

И вот во время Революции один из последних представителей прежней высокой магистратуры, Лефевр д'Ормессон, на первой странице реестра тюрьмы Аббатства напоминает начальнику места заключения о тех законных формах, которые соблюдались даже у язычников. Можно подумать, что этот потомок прославленного рода д'Ормессонов предчувствовал злодеяния, которым предстояло совершиться.

Была ли это жестокая ирония? Или протест против презрения ко всякой законности, о котором этим страницам предстояло дать кровавое свидетельство? Мы этого не знаем. Но

когда философы, историки и криминалисты станут изучать некоторые тюремные реестры, они увидят в них лишь ужасный список умерших, где имена следуют группами по 5, 20, 25, 30 и 50, сопровождаемые одним-единственным словом: «умерли».

Поистине не стоило помещать в начале этого реестра столь прекрасное изречение, чтобы затем столь жестоко его опровергнуть.

Какое пагубное применение уже тогда находили провозглашению Прав человека, великим принципам бессмертного завоевания 1789 года!

Поэтому госпожа Ролан с полным основанием воскликнула 8 ноября 1793 года, идя на эшафот: «О свобода! Сколько преступлений совершают во имя твоё!..»

В наше время на наших дворцах, церквях, школах и тюрьмах можно видеть надпись: «Свобода, Равенство, Братство», и эти звучные и пустые, как всё, что гулко звучит, слова образуют великолепный девиз, который при ближайшем рассмотрении оказывается самым худшим из обманов.

Во время Коммуны судей заменяли палачи, и господин Максим Дю Кан приводит тому многочисленные доказательства в своём сочинении под названием «Судороги Парижа».

Личной свободой и человеческой жизнью настолько мало дорожили, что формальности при внесении заключённых в реестр были недолгими. Сколько людей, арестованных как подозреваемые, было судимо и казнено, не оставив никаких следов своего пребывания в тюрьме!

22 мая 1871 года заключённых перевели из тюрьмы Маза в отделение для осуждённых, и расписка, выданная канцелярией тюрьмы Ла-Рокетт, была составлена следующим образом: «Принято 40 священников и магистратов».

Среди этих священников и магистратов находились монсеньор Дарбуа, председатель Бонжан, аббат Дегерри, отцы Аллар, Клерк и Дюкудре.

24, 25 и 26 мая, когда заложников расстреливали партиями, обнаружилось, что большинство из них не были внесены в тюремный реестр.

Женщин без каких-либо формальностей помещали в особые камеры для приговорённых к смерти.

Нужно прочесть «Инсургента» Жюль Валлеса; вот что он говорит о казни заложников в Большой Рокетт:

«По какому праву, во имя кого убивали? Вся Коммуна целиком несёт ответственность за эту резню. На наших шарфах брызги их мозгов!.. Эта бойня ужасна! Эти люди были пожилыми, они были пленниками, без оружия!.. Скажут, что это трусость».

И в письме, обращённом к матери, он заявляет следующее:

«Я подскочил от боли, когда мне сообщили, что поджигают, и плакал кровавыми слезами, когда дошёл слух о казни заложников!..»

Со времени Этьенна Буалёва, избранного в 1250 году первым парижским прево королём Людовиком IX, и до 1890 года, когда префекты превратились в наместников министра внутренних дел, учреждение полиции всегда имело целью охрану собственности и личной безопасности. За шесть столетий исчезли чистая легитимная монархия, две Республики, две Империи, одна абсолютная, другая либеральная, две Реставрации и конституционная монархия, однако при всех этих различных формах правления безответственность за произвольные действия полиции устояла и существует до сих пор. По-видимому, это единственное средство добиться прекращения всех посягательств. Не было бы естественнее и нравственнее, если бы умелое руководство не оставляло преступникам всякого рода никакой надежды на успех?

Вот хронологический список генерал-лейтенантов, министров и префектов полиции:

Генерал-лейтенанты полиции, должность которых учреждена эдиктом от 15 марта 1667 года:

1°. Де ла Рени, родился в Лиможе. — С 19 марта 1667 года по 29 января 1697 года;

2°. Маркиз д'Аржансон, родился в Венеции. — С 29 января 1697 года по 16 января 1718 года;

3°. Машо, родился в..... — С 16 января 1718 года по 18 января 1720 года;

4°. Граф д'Аржансон, родился в Париже. — С 18 января 1720 года по 2 июля того же года;

5°. Де Бодри, родился в..... — Со 2 июля 1720 года по 26 апреля 1722 года;

6°. Граф д'Аржансон, родился в Париже. — С 26 апреля 1722 года по 31 января 1724 года;

7°. Раво д'Омбреваль, родился в..... — С 31 января 1724 года по 29 августа 1725 года;

8°. Эро, родился в Руане. — С 29 августа 1725 года по 3 января 1740 года;

9°. Фейдо де Марвиль, родился в..... — С 3 января 1740 года по 27 марта 1747 года;

10°. Беррье де Равенуарвиль, родился в..... — С 27 марта 1747 года по 16 ноября 1757 года;

11°. Бертен де Белиль, родился в... — С 16 ноября 1757 года по 27 ноября 1759 года;

12°. Де Сартин, родился в Барселоне. — С 27 ноября 1759 года по 23 августа 1774 года;

13°. Ленуар, родился в Париже. — С 23 августа 1774 года по 14 мая 1775 года;

14°. Альбер, родился в Дофине. — С 14 мая 1775 года по 19 июня 1776 года;

15°. Ленуар, родился в Париже. — С 19 июня 1776 года по 11 августа 1785 года;

16°. Тиру де Крон, родился в Париже. — С 11 августа 1785 года по 14 июля 1789 года.

Революционный период с 1789 по 1800 год.

ВРЕМЕННАЯ ПОЛИЦИЯ

14 июля 1789 года управление генерал-лейтенанта полиции было упразднено, и образовался «Постоянный комитет» под председательством купеческого прево.

Париж был тогда разделён на шестьдесят округов, во главе каждого из которых стояли почтенные граждане.

27 июня 1790 года сорок восемь секций заменили округа, и им были предоставлены те же полномочия. «Генеральный совет Коммуны» сосредоточил под своей властью всю городскую полицию.

После событий 1792 и 1793 годов Совет Коммуны был свергнут, и 24 августа 1794 года закон «Об общей полиции Республики и организации революционных трибуналов» передал полицию двенадцати комитетам, которые должны были поддерживать связь с представителями сорока восьми парижских секций.

31 августа того же года новый закон учредил «Особую полицейскую комиссию, состоявшую из двадцати членов, предложенных комитетами общественного спасения, общей безопасности и законодательства». 15 августа 1795 года число этих двадцати членов было сокращено до трёх, и они образовали то, что тогда называли «Центральным бюро».

Граждане Кузен, Лимоден и Бреон первыми заняли это бюро, куда затем пришли Дюбуа, де Пиис и Дюбос.

Без руководства, среди путаницы идей, реформ и злоупотреблений эти администраторы, исполненные доброй воли, проявляли большое усердие, но не могли добиться серьёзных результатов. Именно тогда появились министры общей полиции Республики, заменившие прежних генерал-лейтенантов полиции.

Возвращаясь к хронологическому порядку:

17°. Мерлен из Дуэ, родился в..... — Со 2 января 1796 года по 3 апреля 1797 года;

18°. Кошон, родился в..... — С 3 апреля 1797 года по 6 июля того же года;

19°. Ленуар Ларош, родился в..... — С 6 июля 1797 года по 26-е число того же месяца;

20°. Сотен де ла Куандьер, родился в..... — С 26 июля 1797 года по 12 февраля 1798 года;

21°. Дондо, родился в..... — С 12 февраля 1798 года по 15 мая того же года.

22°. Лекарлье, родился в..... — С 15 мая 1798 года по 28 октября 1798 года;

23°. Дюваль, родился в..... — С 28 октября 1798 года по 22 июня 1799 года;

Период Консульства и Империи.

24°. Фуше, родился в..... — Министр полиции с 22 июня 1799 года по 15 сентября 1802 года и с 10 июля 1804 года по 3 июня 1810 года;

25°. Дюбуа, родился в..... — Префект полиции с 17 вантоза VIII года (1800) по 14 октября 1810 года;

26°. Савари, родился в..... — Министр общей полиции с 3 июня 1810 года по 3 апреля 1814 года;

27°. Паскен, родился в..... — Префект полиции с 14 октября 1810 года по 31 марта 1814 года.

С 31 марта 1814 года по 14 мая 1814 года: во время занятия Парижа союзниками префекта полиции не было.

Первая Реставрация.

С 14 мая 1814 года по 20 марта 1815 года:

28°. Беньо, родился в Бар-сюр-Об. — Генеральный директор полиции с 14 мая 1814 года по 3 декабря того же года;

29°. Сандре, родился в Эксе. — Префект — директор общей полиции с 3 декабря 1814 года по 14 марта 1815 года;

30°. Бурьенн, родился в..... — Префект полиции с 14 по 20 марта 1815 года;

Период Ста дней

31°. Реаль, родился в Шату. — Префект полиции с 20 марта 1815 года по 3 июля того же года;

32°. Пеле, родился в..... — Министр полиции с 3 июня 1815 года по 8 июля 1815 года;

33°. Куртен, родился в Лизьё. — Префект полиции с 3 по 8 июля 1815 года;

Вторая Реставрация.

34°. Фуше, родился в..... — Министр полиции с 8 июля 1815 года по 25 сентября 1815 года;

35°. Деказ, родился в Сен-Мартен-ан-Ле (Жиронда). — Префект полиции с 9 июля 1815 года по 29 сентября того же года, затем министр полиции до 18 декабря 1818 года;

36°. Англес, родился в Гренобле. — Префект полиции с 29 сентября 1815 года по 20 декабря 1821 года;

37°. Делава-Ги, родился в..... — Префект полиции с 20 декабря 1821 года по 6 января 1828 года;

38°. Де Беллем, родился в Париже. — Префект полиции с 6 января 1828 года по 13 августа 1829 года;

39°. Манжен, родился в Меце. — Префект полиции с 13 августа 1829 года по 30 июля 1830 года.

Июльская монархия

С 1830 по 1848 год. — Последовательно сменились восемь префектов полиции:

40°. Баву, родился в Сен-Клоде (Юра). — С 30 по 31 июля 1830 года;

41°. Жиро-де-л'Эн, родился в Жексе. — С 1 августа 1830 года по 7 ноября того же года;

42°. Трейяр, родился в..... — С 7 ноября по 26 декабря 1830 года;

43°. Бод, родился в Валансе. — С 26 декабря 1830 года по 21 февраля 1831 года;

44°. Вивьен, родился в Париже. — С 21 февраля по 17 сентября 1831 года;

45°. Сольнье, родился в..... — С 17 сентября по 15 октября 1831 года;

46°. Жиске, родился в Везене (Мозель). — С 15 октября 1831 года по 10 сентября 1836 года;

47°. Делессер, родился в Париже. — С 10 сентября 1836 года по 24 февраля 1848 года;

Период с 1848 по 1852 год. — Вторая республика.

48°. Коссидьер, родился в Женеве. — Делегат департамента полиции совместно с Собрие, единственный префект полиции. — С 24 марта по 18 мая 1848 года;

49° Труве-Шовель, родился в Ла-Сюзе (Сарта). — Префект полиции с 18 мая по 19 июля 1848 года;

50° Дюку, родился в Шато-Понсак (Верхняя Вьенна). — Префект полиции с 19 июля по 14 октября 1848 года;

51° Жерве-де-Кан, родился в Кане. — Префект полиции с 14 октября по 20 декабря 1848 года;

52° Ребийо, родился в Витри-ле-Франсуа. — Префект полиции с 20 декабря 1848 года по 8 ноября 1849 года;

53° Карлье, родился в Сансе. — Префект полиции с 8 ноября 1849 года по 26 октября 1851 года;

Вторая империя.

54° Де Мопе, родился в Бар-сюр-Обе. — Префект полиции с 26 октября 1851 года по 23 января 1852 года и министр полиции с 22 января 1852 года по 10 июня 1853 года;

55° Бло (Сильвен), временно исполнявший обязанности руководителя префектуры полиции с 23 по 27 января 1852 года;

56° Пьетри (Пьер-Мари), родился в Сартене (Корсика). — Префект полиции с 27 января 1852 года по 16 марта 1858 года;

57° Буатель, родился в..... — Префект полиции с 16 марта 1858 года по 21 февраля 1866 года;

58° Пьетри (Жоашен), родился в Сартене. — Префект полиции с 21 февраля 1866 года по 4 сентября 1870 года;

Третья республика. — Осада.

59° Де Кератри, родился в Париже. — Префект полиции с 4 по 11 сентября 1870 года;

60° Адам (Эдмон), родился в Бек-Эллуэне (Эр). — Префект полиции с 12 сентября по 2 ноября 1870 года;

61° Крессон, родился в..... — Префект полиции с 3 ноября 1870 года по 10 февраля 1871 года;

62° Шоппен, родился в..... — Уполномоченный исполнять обязанности префекта полиции с 14 февраля по 15 марта 1871 года;

63° Валантен, родился в..... — Префект полиции с 15 марта по 18 ноября 1871 года, причём этот срок делится на три периода: с 15 по 18 марта — в Париже; с 18 марта по 30 мая — в Версале и с 31 мая по 18 ноября — в Париже.

Во время восстания 18 марта трое членов Коммуны занимали оставленные здания бывшей префектуры полиции:

Дюваль — с 19 по 27 марта;

Риге (Рауль) — с 28 марта по 27 апреля;

Курне — с 27 апреля по 24 мая 1871 года.

64° Рено (Леон), родился в Мезон-Альфоре, префект полиции. — С 18 ноября 1871 года по 10 февраля 1876 года;

65° Вуазен (Феликс), родился в Париже, префект полиции. — С 10 февраля 1876 года по 16 декабря 1878 года;

66° Жиге (Альбер), родился в Орлеане, префект полиции. — С 16 декабря 1878 года по 3 марта 1879 года;

67° Андрие (Луи), родился в Треву (Эн), префект полиции. — С 3 марта 1879 года по 16 июля 1881 года;

68° Камескасс, родился в..., префект полиции. — С 16 июля 1881 года по 23 апреля 1885 года;

69° Граньон, родился в..., префект полиции. — С 23 апреля 1885 года по 15 ноября 1887 года;

70° Буржуа (Леон), родился в Париже, префект полиции. — С 15 ноября 1887 года по .. марта 1888 года;

71° Лозе, родился в..., действующий префект полиции по состоянию на 31 декабря 1889 года.

Третья республика в настоящее время сменяет уже своего тринадцатого префекта полиции, и на эту важную, трудную должность постоянно находятся претенденты.

Высшие чиновники быстро изнашиваются и сменяются, что объясняет, почему в префектуре полиции осуществление требуемых и ожидаемых улучшений затягивалось; последовательные перемены позволяли начальнику муниципальной полиции оставаться неизменным, вечным и быть в большей степени префектом, чем сам префект.

С 4 сентября 1870 года было лишь два начальника муниципальной полиции: гг. Ансар и Кобе. При Империи их предшественниками были гг. Нюсс и Балестрино, а в царствование короля Луи-Филиппа — гг. Элуэн и Жоли. Поскольку эта служба постоянно стремилась расширяться, один ловкий полицейский комиссар добился учреждения генерального контроля, стал его начальником и, в свою очередь, начал контролировать полномочия и персонал того, кто организовал свою службу так, чтобы самому не подвергаться никакой проверке.

Тонкая и ответственная должность генерального контролёра поручалась отборным, опытным людям: с 1854 по 1859 год её занимал создатель этой службы г. Шарль Нюсс. Его преемником до 1880 года был г. Марсей, затем последовательно пришли гг. Леру, Готье де Нуайель и Буасено.

Перехожу к незаменимым помощникам правосудия: начальникам сыскной полиции, должность первого из которых занимал г. Аллар. — С 15 ноября 1832 года по 15 декабря 1848 года; после него следовали:

2° Перро. — С 15 декабря 1848 года по 3 марта 1849 года;

3° Канлер. — С 3 марта 1848 года по 14 ноября 1851 года;

4° Балестрино. — С 14 ноября 1851 года по 9 января 1853 года;

5° Колле. — С 9 января 1853 года по 7 октября 1858 года;

6° Тенай. — С 7 октября 1858 года по 1 июня 1859 года;

7° Клод. — С 1 июня 1859 года по 10 июля 1875 года;

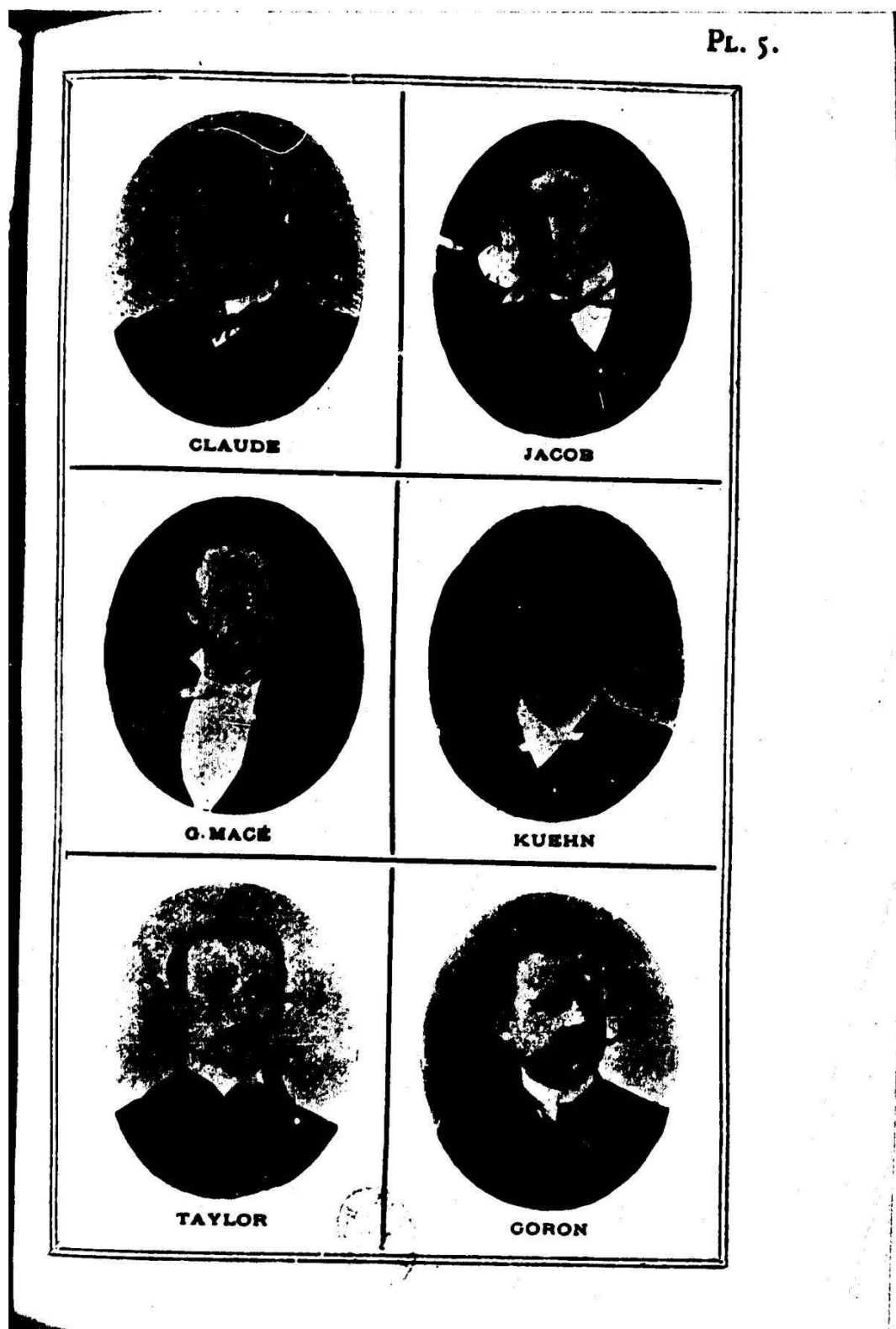

Таблица 5. Клод. Жакоб. Г. Масе. Кюн. Тейлор. Горон.
8° Жакоб. — С 10 июля 1875 года по 17 февраля 1879 года;
9° Масе. — С 17 февраля 1879 года по 1 апреля 1884 года;
10° Кюн. — Со 2 апреля 1884 года по 28 ноября 1885 года;
11° Тейлор. — С 1 декабря 1885 года по 1 ноября 1887 года;

12° Горон, нынешний начальник (31 декабря 1889 года).

На таблице 5 изображены шесть последних начальников Сюртэ⁵, награждённых за проявленную храбрость в гражданской и военной службе.

Если начальник Сюртэ — инициативный человек, соединяющий проницательность с решительностью, то для успешного выполнения своей охранительной задачи ему необходимы исключительно одарённые сотрудники, а таких людей найти нелегко. Ничтожное жалование, обычно назначаемое сотрудникам оперативных служб, почти не позволяет привлекать кого-либо, кроме добросовестных служителей с острым зрением, готовых исполнять свой долг без колебаний и лени. Прежде всего они должны обладать тем, что в полиции называют «ночной храбростью», ибо страх не рассуждает. В настоящее время довольствуются тем, что используют их достоинства и недостатки, ожидая, когда число сотрудников уменьшится, а вознаграждение возрастёт, чтобы можно было выбирать лучших кандидатов.

В 1879 году я организовал «учебную бригаду», своего рода отборную роту, созданную для обучения новобранцев и объединения лучших агентов, чей пример и опыт могли принести пользу их молодым товарищам. В состав этой бригады входили Бартелеми, Блэз, Бурле, Давид, Демужео, Ги, Жоли, Лемегр, Лендас, Монтиньяк, Мозер, Муген, Пренс, Прюво и Саж. Они находились в комнатах, примыкавших к моему кабинету, и днём и ночью я был уверен, что под рукой у меня имеются превосходные полицейские. Этими пятнадцатью агентами руководили главные инспекторы Ализан и Коллио, бригадиры Бренез и Гайярд, младшие бригадиры Гавель, Жом и Россиньоль. Секретарём бригады служил господин Мартини, скромный и преданный служащий, который безупречностью своего поведения сумел заслужить уважение и симпатию начальников.

Сегодня многие из этих людей уже вышли в отставку, другие, менее счастливые, как Жоли, Муген и Саж, незаметно умерли от болезней, полученных на службе, болезней, нередко более опасных, чем удары кинжалов убийц. Некоторые, опьянённые успехом, завидуют друг другу и ищут известности, которая вскоре начнёт вредить надлежащей работе службы. До них и после них множество их товарищей и подчинённых, столь же храбрых, столь же умных и нередко обладающих памятью лучше их собственной, наблюдают, подготавливают и облегчают поимку крупных преступников, а эти скромные, молчаливые труженики, исполненные терпения и воли, остаются неизвестными репортёрам; они не сообщают прессе никаких сведений, способных привлечь к ним внимание, поскольку считают себя членами одной семьи, в которой люди понимают друг друга и взаимно помогают, и когда сыскная полиция переживает полосу успехов, то, как они справедливо говорят, этим обязаны всему составу службы, а не отдельным лицам, видящим в раскрытии крупных дел лишь случай для собственной рекламы.

Десять инспекторов полиции, собранных в верхней части таблицы 6, были отправлены в 1876 году на Филадельфийскую выставку. Эти лица бывших военных дышат прямоотой и честностью, и мне неоднократно доводилось — как в судебных поручениях, так и в Сюртэ — оценить их храбрость, ловкость и проницательность.

По обе стороны небольшого столика сидят: слева — главный инспектор Мелен, справа — бригадир Трюктен. Оба они наслаждаются заслуженным отдыхом. Господин Мелен — кавалер ордена Почётного легиона, и, желая вознаградить его за многочисленные услуги, оказанные Французскому банку, управляющий поспешил привлечь его к своей администрации. Господин Трюктен долгое время успешно охотился за карманными ворами. Рядом с ним сидит другой кавалер Почётного легиона, эльзасец Циммерман, доброволец, который 2 декабря 1870 года при Пти-Бри, будучи фельдфебелем, захватил передовой пост пруссаков. С несколькими солдатами он отвёл пленных в Венсенский форт, где командующий генерал наградил его.

⁵ По фотографиям господ Либеры, Пиру, Туранше и Нойбауэра.

Мы, как видно, далеко ушли от той эпохи, когда господин де Сартин, этот одиннадцатый генерал-лейтенант полиции, отвечал влиятельному придворному короля Людовика XV, упрекавшему его в том, что он пользуется услугами людей, достигших последней степени испорченности: «Укажите мне честных людей, которые согласились бы заниматься подобным ремеслом?» И вопрос его, как утверждает господин Орас Рессон в своей «Истории парижской полиции», остался без ответа.

Господин де Сартин любил показываться в окружении плутов, которых охотно называл своими адъютантами. Он был убеждён, как впоследствии и некоторые префекты, что полицейская работа, выполняемая ворами, может приносить лишь благоприятные результаты. Такой способ нравственного исправления учреждения, призванного устранять людские неправды и проступки, не пришёлся по вкусу ни господину Жиске, ни его преемнику господину Габриэлю Делессеру, которые не допускали даже к самым скромным должностям в префектуре полиции служащих с небезупречным прошлым. Эти два магистрата, и в особенности господин Делессер, образец префектов полиции, организовали настоящую службу Сюртэ, а постановлением от 15 ноября 1832 года⁶ руководство ею было поручено господину Аллару, бывшему комиссару полиции города Парижа.

Видоки, Коко-Лакуры и прочие преступники отошли в прошлое. Их мемуары, написанные снисходительными... романистами, столь же подложны, как и те, что выходили под именем господина Клода, а записки, оставленные моим уважаемым коллегой, находятся у меня.

Господин де Сартин и Видок утверждали, что «для раскрытия воров надо самому побыть вором», и эта распространённая в народе максима навлекла на полицию поистине легендарную дурную славу. Черни свойственно ненавидеть, бояться и презирать это учреждение; но сколько же у нас глупцов, которые вторят ей, и именно они больше других нуждаются в защите от соприкосновения с бесчестными людьми.

«Бог и человеческая глупость, — говорил Нориак, — останутся вечными». Он забыл прибавить предрассудки, особенно исходящие из низов, самые худшие, которые превращаются в догмы.

Публика слишком часто смешивает полицейского агента в штатском, состоящего на службе или вышедшего в отставку, с осведомителями, которых профессиональные воры называют доносчиками, наводчиками и «кастриюлами». Лишь полицейские инспекторы могут при необходимости потребовать содействия вооружённой силы, предъявив овальную карточку, на обороте которой указаны фамилия, имена, возраст, должность, приметы и подпись владельца рядом с подписью генерального секретаря. На лицевой стороне этой служебной карточки, синей с одной стороны и красной с другой, значится следующее:

Префектура полиции. — Французская Республика. — Охрана общественного порядка.

Для тех, кто презирает полицейских, привожу мнение господина следственного судьи А. Гийо:

«Если бы можно было увидеть за работой всех сотрудников этой полиции, начиная с начальника Сюртэ и полицейских комиссаров, среди которых нередко встречаются люди подлинного достоинства, и кончая самым незаметным инспектором сыскной полиции, если бы можно было проследить их мужественную и упорную борьбу с бесчисленными врагами нашей личности и нашего имущества, то невозможно было бы выразить им достаточно благодарности или питать к ним слишком высокое уважение»⁷.

⁶ Мы, государственный советник, префект полиции, постановляем следующее: Ст. I. — Бригада сыскной полиции распускается. Служба, которую она несла, будет немедленно реорганизована на новых основаниях и под названием Службы Сюртэ. Ст. II. — Ни одно лицо, ранее осуждённое или освобождённое после отбытия какого-либо наказания, не может быть принято в неё. Ст. III. — Начальник второго отделения представит нам на утверждение именной список агентов и служащих, которым предстоит войти в состав новой Службы Сюртэ.

⁷ Исследование о реформе Уголовно-процессуального кодекса. «Газетт де трибюно» от 13 февраля 1884 года.

Со своей стороны пресса, признавая пользу этих гражданских солдат, возвещает об их подвигах храбрости и даже ходатайствует о почётных наградах для них.

Что касается пожирателей секретных фондов, то мы увидели, невероятное дело, как в год столетия Французской революции сенаторы и депутаты-республиканцы проголосовали 14 и 16 декабря 1889 года за выделение одного миллиона шестисот тысяч франков на поощрение тайной деятельности отвратительных существ, вербуемых во всех слоях общества, причём эта значительная сумма якобы предназначена для государственных нужд.

С 1832 года деньги, выдававшиеся осведомителям Сюртэ моими предшественниками и мною самим, никогда не превышали в общей сложности восьми тысяч франков в год, и эта ничтожная сумма до сих пор бралась из пятидесяти тысяч франков, выделяемых для этой цели префекту полиции муниципальным советом. Следовательно, вовсе не судебная полиция барахтается в секретных фондах; она знает по опыту, что большая часть сведений, сообщаемых заинтересованными лицами, подозрительна; поэтому она не только не поощряет их, но и ищет способы прекратить подобную практику. Тогда будет хоть немного меньше честных людей, облитых грязью.

Pl. 6.

Agents du Service de la Sûreté.

**Gardien de la Paix,
Tenue d'Été.**

**Officier de Paix,
Petite Tenue.**

**Gardien de la Paix,
Tenue d'Hiver.**

72365 — Photographie ALFRED 4 0/1, 11, rue d'Orléans.

Таблица 6. Сотрудники службы Сюртэ. Страж порядка в летней форме. Офицер порядка в повседневной форме. Страж порядка в зимней форме.

Чтобы дополнить таблицу 6, я поместил под полицейскими инспекторами двух стражей порядка, одного в летней форме, другого в зимней. Посередине находится один из их непосредственных начальников, бывший офицер порядка X округа, господин Г. Массе. Костюм, который он носит (1860–1868), был изменён после 1871 года. Шинель превратилась в мундир, но вышивка на обшлагах и воротнике осталась прежней. Кепи из синего сукна, украшенное тремя галунами, отделано серебряной вышивкой в виде дубовых листьев, с гербом города Парижа в центре. К шпаге добавили темляк. Когда офицеры порядка одеты в штатское, знаком их отличия служит голубой шёлковый шарф, который они надевают поверх мундира лишь в дни церемоний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.